

ИЗ "ВОСПОМИНАНИЙ"

В имении Толстых нам всем жилось хорошо {}. Хозяева старались предоставить своим гостям все удобства деревенских развлечений и полную свободу проводить время, как кто желал: Некрасов охотился, Панаев, любитель длинных прогулок, выхаживал по 25 верст и был в восхищении от живописных видов в окрестностях. Я ездила верхом и удила рыбу. Книг, журналов, газет было вдоволь, а за обедом и ужином, когда все собирались вместе, завязывались жаркие разговоры о разных тогдашних вопросах. <...>

Некрасов получил письмо от Белинского, который совершенно случайно уехал из Петербурга с Щепкиным, отправившимся на два месяца гастролировать в большие южные города. Перед нашим отъездом из Москвы Щепкин сообщил нам о своем намерении совершить прогулку в провинцию.

- Вот вы бы, Михаил Семенович, - сказал Панаев, - захватили Белинского с собой, ему необходимо проехаться и освежиться.

Щепкин очень обрадовался этой мысли и написал Белинскому, который охотно принял его предложение, тем более, что на эту поездку не требовалось расходов. За ужином, по поводу письма, полученного от Белинского, речь зашла о нем. Толстые высказали свое удивление, каким образом до сих пор в кружке Белинского никто из литераторов не начал издавать журнала, хотя бы на паях, как это делается в Париже. Некрасов заметил на это, что многое, применимое за границей, еще недоступно для России.

- Если бы русские литераторы надумали издавать на паях журнал, - прибавил он, - то оправдали бы пословицу: у семи нянек всегда дитя без глазу. Я много раз рассуждал с Белинским об основании нового журнала, но осуществить нашу заветную мечту, к несчастью, невозможно без денег.

- Предприимчивости, как видно, нет в вас, господа, - сказал Толстой.

- Денег нет, да и трудно конкурировать теперь с "Отечественными записками", упрочившими себе твердое положение, - возразил Панаев.

- Да кто его упрочил? Белинский и большая часть сотрудников из его кружка, - заметили Толстые.

- Смешно бояться конкуренции, - подсказал Некрасов, - у "Отечественных записок" могут быть свои подписчики, а у нового журнала - свои. Не испугался же Краевский конкуренции "Библиотеки для чтения" и с грошами начал издавать "Отечественные записки".

- Ему легко было, - возразил Панаев. - Он первые годы даром получал большую часть материала для своего журнала, а если и платил сотрудникам, то ничтожную плату.

- Если такое бескорыстное участие принимали литераторы в успехе "Отечественных записок", как же не рассчитывать на еще большую поддержку новому журналу, где во главе сотрудников будет Белинский? - заметил Толстой.

- Ну, теперь рассчитывать на даровой материал не следует, - сказал Некрасов. - Да не в этом дело, а в том, что без денег нельзя начинать издания.

- А много нужно для начала? - спросил Толстой. Некрасов стал считать, во что должна приблизительно обойтись каждая книжка журнала.

- За печать и бумагу, - прибавил он, - можно уплачивать половину каждый месяц, а остальную часть перевести на следующий год.

- А если подписка на журнал на следующий год будет плохая, чем же уплачивать долг? - заметил Панаев.

- Почему же не рассчитывать на успех журнала, если добросовестно издавать его и если все литературные друзья Белинского приложат свои старания? Риск - дело благородное, потребность к чтению сильно развилась за последние годы. Ведь мне от "Петербургского сборника" предсказывали одни убытки, а если бы я не струсил и напечатал на полторы тысячи экземпляров больше, то все были бы раскуплены. Если бы явился новый журнал с современным направлением, то читатели нашлись бы. С каждым днем заметно назревают все новые и новые общественные вопросы; надо заняться ими не с снотворным педантизмом, а с огнем, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности. Лиха беда начать дело, а продолжать его будет уже легко.

Белинский и Панаев сильно уверовали в литературную предприимчивость Некрасова после издания им "Петербургского сборника", который быстро раскупался. Оба они знали, с какими ничтожными деньгами он предпринял это издание и как сумел извернуться и добыть кредит.

- Если бы у меня были деньги, - произнес со вздохом Панаев, - я ни минуты не задумался бы издавать журнал вместе с Некрасовым. Один я не способен на такое хлопотливое дело, а тем более вести хозяйственную часть.

- Была бы охота, а деньги у тебя есть! - сказала я, не придавая никакого серьезного значения своим словам.

- Какие деньги? - спросил с удивлением меня Панаев.

- Продай лес и на эти деньги издавай журнал.

Толстые подхватили мои слова и стали приставать к Панаеву, почему бы ему в самом деле не употребить свои деньги на хорошее дело.

- Не увидите, как проживете их, - говорили они.

- Нет, нет! - возразил Панаев, - эти деньги по вашему же совету я внесу в Опекунский совет, чтобы не так тяжело было бы платить проценты за заложенное имение.

Пока у него не было денег в руках, он всегда благоразумно рассуждал об экономии.

- Разрешите Панаеву употребить деньги, вырученные за продажу леса, на журнал, как на дело хорошее? - обратился ко мне Толстой.

- Охотно! - отвечала я.

- Так, господа, по рукам! - воскликнули Толстые.

- Разве хватит таких денег?-- обратился Панаев с вопросом к Некрасову.

- Хватит, хватит! - ответил тот. - Кредитоваться будем.

Панаев протянул руку Некрасову и произнес:

- Идет! Будем вместе издавать.

Толстые розняли руки по русскому обычаю и радостно произнесли "ура!".

Мне не верилось, что из этого разговора выйдет что-нибудь.

Некрасов, весь сияющий, сказал Панаеву:

- Деньги не пропадут, только надо энергически взяться за дело.

Панаев тотчас же заговорил, что надо написать Белинскому, но Некрасов возразил, что прежде надо хорошенько обсудить дело и лучше всего лично переговорить с Белинским. Он упросил Панаева никому из своих приятелей не писать об их планах.

Мы засиделись почти до рассвета, ведя разговоры о новом журнале. Возник вопрос, у кого купить право, так как новых журналов в то время не разрешали издавать. Перебирали разные журналы, которые находились в летаргическом сне, но ни один не оказывался подходящим. Уже стали прощаться, чтобы идти спать, как вдруг Панаев воскликнул:

- Нашел! "Современник"!

Некрасов радостно сказал:

- Чего же лучше! как это сразу не пришел нам в голову "Современник"?-- И снова затянулся разговор.

Право на "Современник" принадлежало Плетневу, с которым Панаев давно был знаком². Все так были возбуждены, что забыли о сне. Толстые вставали рано и нашли, что не стоит ложиться спать на каких-нибудь два часа, и потребовали чаю, так что солнце совсем взошло, когда мы стали расходиться. Некрасов, выйдя на террасу, сказал:

- Посмотрите, господа, как великолепно сегодня сияет солнце! После трех дней пасмурной погоды оно предсказывает успех нашему журналу.

Некрасов решил ехать скорее в Петербург, чтобы переговорить с Белинским и начать хлопоты по журналу. Толстые шутили над ним, угаваривая его остаться еще недельки на две, так как в конце августа была самая лучшая охота³.

- До охоты ли мне теперь! - отвечал Некрасов, не поняв шутки. - Не знаю, как дождаться того дня, как увижу первый номер "Современника"!

Панаеву же надо было дождаться денег от продажи леса.

Уезжая из деревни, Некрасов просил Панаева не засиживаться в Москве и не проболтаться о затеваемом деле. <...>

Некрасов купил для "Современника" у Белинского все статьи, обещанные ему его московскими и петербургскими приятелями⁴. За сотрудничество Белинского в "Современнике" была положена плата восемь тысяч рублей в год. Эта цифра сорок лет тому назад казалась баснословной. Сами друзья Белинского удивлялись щедрости издателей журнала, а один из них с жалостью говорил Панаеву:

- Это сумасшествие с твоей стороны - так швырять деньгами.

- Если хорошо пойдет журнал, - отвечал Панаев,-- мы еще прибавим; мы сами литераторы, стыдно учитывать сотрудников.

- Так я тебе предсказываю, что ты гроша не будешь иметь барыша от журнала, если так будешь роскошничать. И что это Некрасов смотрит? - он человек коммерческий. Нельзя, нельзя

так вести денежные дела, будет банкротство журнала, помянете меня, да поздно будет, что не послушались моего благоразумного совета. Жаль, очень жаль тебя, любезнейший Панаев, - там, где люди наживают деньги, ты прогоришь!

Но за первую же статью, которую поместил в "Современнике" этот благородный советник, он потребовал прибавки за лист, говоря Некрасову:

- Если я отнесу мою статью в "Отечественные записки", мне с радостью еще дороже дадут!

С появлением "Современника" быстро поднялась цена на литературный труд.

На другой же день после своего приезда - утром - Панаев отправился к Плетневу. Белинский, в ожидании возвращения Панаева домой, все время страшно волновался, и когда Панаев вернулся, то выскочил в переднюю с вопросом:

- Наш "Современник"?

- Наш, наш! - отвечал Панаев. Белинский радостно вздохнул.

- Уф! - воскликнул он, - я измучился... мне все казалось, что уже у нас его кто-нибудь переб...

Он не окончил фразы.

Сильный приступ кашля стал душить его. Он весь побагровел от натуги и махнул рукой Панаеву, который начал было передавать Некрасову свой разговор с Плетневым. После этих приступов кашля Белинский всегда долго не мог отдышаться и с передышкой произнес:

- Ну... теперь рассказывайте.

Белинский возмутился, что Плетнев выговаривал себе четыре тысячи в год за право и едва согласился на три.

- Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество, но что поделаешь! Надо, господа, соглашаться - пусть его подавится этими тремя тысячами!

Страшным ударом для Белинского было, когда в цензурном комитете нашли, что Панаев и Некрасов не настолько благонадежные люди, чтобы их можно было утвердить редакторами. О редакторстве Белинского нечего было и думать, потому что "Северная пчела" уже несколько лет постоянно печатно твердила о зловредном направлении его статей; беспрестанно писались куда следует доносы, с указанием на статьи, в которых он будто бы проповедует безбожие, безнравственность и глумится над патриархальными чувствами русских и т. д.

Надо было приискать подходящего человека, которому разрешили бы редактировать "Современник". Обратились к Никитенке, он согласился⁵. Белинский кипятился, что прибавится еще новый тысячный расход на фиктивного редактора, но делать было нечего.

Понятно, что слухи о намерении Некрасова и Панаева издавать "Современник" породили толки в разных литературных кружках. Сначала многие не верили, но потом стали смеяться, говоря, что ничего дельного не выйдет из планов Некрасова и Панаева. Белинскому передавали эти сплетни, и он говорил: "Пусть их смеются и не верят, а как мы им преподнесем первый номер "Современника", так позеленеют от злости". Белинский письменно отказался от сотрудничества в "Отечественных записках", но это была только одна формальность, потому что все знали, что он будет сотрудничать в "Современнике". Некрасов велел печатать объявления об издании "Современника" в громадном числе; они помещались почти во всех

тогдашних журналах и газетах. Панаев находил, что это стоит очень дорого и вовсе не нужно, но Белинский ему возразил:

- Нам с вами нечего учить Некрасова; ну, что мы смыслим! мы младенцы в коммерческом расчете: сумели бы мы с вами устроить такой кредит в типографии и с бумажным фабрикантом, как он? Нам на рубль не дали бы кредиту, а он устроил так, что на тысячи может кредитоваться. Нам уж в хозяйственную часть нечего и соваться.

Такая масса объявлений об издании "Современника" дала повод литературным врагам глумиться печатно над издателями. Говорили, например, что они апраксинские молодцы, которые с нахальством тащат в свою лавку всякого проходящего и расхваливают свой товар и т. д. <...>

В 1848 году строгость цензуры дошла до того, что из шести повестей, назначенных в "Современник", ни одна не была пропущена, так что нечего было набирать для ближайшей книжки.

В самом невинном рассказе о бедном чиновнике цензор усмотрел намерение автора выставить плачевное положение чиновников в России. Приходилось печатать в отделе беллетристики переводы. Роман Евгения Сю не был дозволен, оставалось пробавляться Ламартином⁶. Некрасову пришла мысль написать роман во французском вкусе, в сотрудничестве со мной и с Григоровичем. Мы долго не могли придумать сюжета. Некрасов предложил, чтобы каждый из трех написал по главе, и чья глава будет лучше для завязки романа, то разработать сюжет, разделив главы по вкусу каждого. Я написала первую главу о подкинутом младенце, находя, что его можно сделать героем романа, описав разные его похождения в жизни. Григорович принес две странички описания природы, а Некрасов ничего не написал. Моя первая глава и послужила завязкой романа; мы стали придумывать сюжет уже вдвоем, потому что Григорович положительно не мог ничего придумать. Когда было написано несколько глав, то Некрасов сдал их в типографию набирать для октябрьской книжки "Современника", хотя мы не знали, что будет далее в нашем романе; но так как писалось легко, то и не боялись за продолжение. Некрасов дал название роману "Три страны света", решив, что герой романа будет странствовать. Цензор⁷ потребовал, чтобы ему представили весь роман, не соглашаясь иначе пропустить первые главы. Некрасов объяснил, что роман еще не весь написан. Цензор донес об этом в главный цензурный комитет, который потребовал от авторов письменного удостоверения, что продолжение романа будет нравственное. Я ответила, что в романе "Три страны света" "порок будет наказан, а добродетель восторжествует", Некрасов подтвердил своею подписью то же самое, и тогда главное цензурное управление разрешило напечатать начало романа⁸.

До этого времени в русской литературе еще не было примера, чтобы роман писался вдвоем, и по этому поводу В. П. Боткин говорил Панаеву: "Нельзя, любезный друг, нельзя срамить так свой журнал - это балаганство, это унижает литературу" {Впрочем, я должна оговорить, что две главы в романе написаны, по просьбе Некрасова, Ипполитом Панаевым⁹, (Прим. А. Я. Панаевой.)}

Бедный Панаев потерялся, так как от других слышал, напротив, похвалы о начале романа. Я предложила, чтобы Некрасов один ставил свое имя, но он не согласился. К удивлению нашему, в конце ноября подписка на "Современник" возобновилась, а на Новый год в декабре иногородние подписчики стали требовать высылки им и 1848 года, так что все оставшиеся экземпляры этого года разошлись; их даже не хватило для удовлетворения всех требований. В. П. Боткин изменил свое мнение и с участием осведомлялся о ходе нашей работы. В редакции было получено много писем от иногородних подписчиков с благодарностями за "Три страны света", но получались и такие письма, в которых редакции предлагали роман, написанный десятью авторами, под названием "В пяти частях света", и писали, "что этот роман будет не чета вашему мизерному бездарнейшему роману".

Мы встречали немало досадных препятствий со стороны цензора: пошлют ему отпечатанные листы, а он вымарает половину главы, и надо вновь переделывать. Пришлось бросить целую часть и заменить ее другой. Некрасов писал роман по ночам, потому что днем

ему было некогда, вследствие множества хлопот по журналу, ему пришлось прочитать массу разных путешествий и книг, когда герой романа должен был отправиться в путешествие. Я писала те главы, действие которых происходило в Петербурге¹⁰. Иногда выдавались такие минуты, что мы положительно не знали, как продолжать роман, потому что приходилось приноравливаться к цензуре. Боже мой, как легко стало, когда мы закончили "Три страны света". Но Некрасов тотчас же уговорил меня писать новый роман "Мертвое озеро"¹¹.

<...> Я слышала от самого Некрасова, как он бедствовал некоторое время в начале своего пребывания в Петербурге.

Он с юмором передавал, как с неделю прожил в пустой комнате, потому что его квартирная хозяйка, желая выжить своего жильца, в его отсутствие вынесла всю убогую мебель из комнаты, и Некрасов спал на голом полу, подложив пальто под голову, а когда писал, то растягивался на полу, уставая стоять на коленях у подоконника.

На моих глазах произошло почти сказочное превращение в наружной обстановке и жизни Некрасова.

Конечно, многие завидовали Некрасову, что у подъезда его квартиры по вечерам стояли блестящие экипажи очень важных особ; его ужинами восхищались богачи-гастрономы; сам Некрасов бросал тысячи на свои прихоти, выписывал из Англии ружья и охотничьих собак; но если бы кто-нибудь видел, как он по двое суток лежал у себя в кабинете в страшной хандре, твердя в нервном раздражении, что ему все опротивело в жизни, а главное - он сам себе противен, то, конечно, не завидовал бы ему...

В хандре он злился на меня за то, что я уговаривала его изменить свой образ жизни, который доставлял ему по временам такие мучительные страдания; я припоминала ему, что, несмотря на все лишения прежней своей жизни, он не испытывал такого убийственного настроения духа. Некрасов находил, что я будто бы нарочно усиливаю своими разговорами его и без того ужасное настроение:

- Чем бы развлечь человека, а вы его добиваете.

- Развлекателей у вас развелось с тех пор много, как вы сделали капиталистом, - отвечала я.

Некрасов раздражительно прерывал меня: - Я не так глуп, чтобы не видеть перемены в отношениях к себе людей, начиная с невежд и кончая образованными.

Потом уже я поняла, что в самом деле глупо возбуждать подобные вопросы, когда от них не могло быть иного результата, кроме неприятного впечатления, остающегося после таких разговоров.

Стихотворение "У парадного подъезда" было написано Некрасовым, когда он находился в хандре. Он лежал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал к себе.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в "Современнике".

- У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-трем лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ¹².

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошел к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и улегся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение "У парадного подъезда".

Некрасов писал прозу, сидя за письменным столом и даже лежа на диване; стихи же он сочинял, большею частью, прохаживаясь по комнате, и вслух произносил их; когда он оканчивал все стихотворение, то записывал его на первом попавшемся под руку лоскутке бумаги.

Он делал мало поправок в своих стихах. Если он сочинял длинное стихотворение, то по целым часам ходил по комнате и все вслух однообразным голосом произносил стихи; для отдыха он ложился на диван, но не умолкал; потом снова вставал и продолжал ходить по комнате. Некрасов мог прочесть, наизусть любое из своих стихотворений, когда бы то ни было сочиненных. Как бы оно ни было длинно, он не останавливался ни на одной строфе, точно читал по рукописи. Впрочем, он помнил наизусть массу стихотворений и других русских поэтов.

<...> Я коротко, с детства, знала одного молодого медика, года два как окончившего курс.

Однажды он заехал ко мне, и я ему рассказала, что заграничные доктора нашли у Некрасова горловую чахотку, посылали его на остров Мадеру, но он возвратился в Петербург.

- Не так же ли ошиблись доктора в болезни его горла, как ошиблись относительно одного из моих пациентов, которому предсказывали близкую смерть от горловой чахотки; а он не только остался жив, но выздоровел совершенно! Как бы мне посмотреть горло у Некрасова?

Я с большим трудом уговорила Некрасова показать горло, и он согласился на это крайне неохотно. Молодой медик, внимательно осмотрев и исследовав его, произнес:

- Через два месяца у вас совершенно заживет горло. Та же самая болезнь, которая была у моего пациента.

Некрасов в волнении спросил:

- А голос вернется?

- Командовать полком вам трудно будет, но говорить вы будете громче и не так сипло, как теперь.

- Что же это такое значит? Меня лечили не так?

- В практике самых опытных докторов бывают ошибки в диагнозе болезни; особенно, если они не специалисты по какой-нибудь части. Если бы с самого начала, как вы почувствовали боль в горле, вас лечили от той болезни, какая у вас оказалась, то в две недели вы бы выздоровели, но теперь болезнь запущена, и излечение будет продолжительнее.

По желанию молодого медика был собран консилиум из специалистов (Шипулинского, Григоровича), который вполне подтвердил поставленный им диагноз и предположенную систему лечения. Месяца через два Некрасова уже нельзя было узнать, горло его быстро стало поправляться, а вместе с тем исчезли и мрачные мысли о близкой смерти.

Выздоровев, Некрасов совершенно забыл советы молодого медика - вести строго правильную жизнь. Когда я напоминала ему об этом, он доказывал, что и так всю жизнь прожил в лишениях: в молодости от неимения средств, потом от болезни, и теперь требуют, чтобы он жил не так, как ему хочется.

- Не только для вас,-- заметила я, - а и для богатырского организма такой образ жизни, какой вы ведете, был бы вреден: вы превращаете ночь в день, а день в ночь, и притом вечно находитесь в возбужденном состоянии.

- Я очень хладнокровно играю в карты, - отвечал он.

- Трудно поверить, чтобы, ведя такую большую игру, можно было сохранять хладнокровие.

- Я скоро покончу игру! - говорил Некрасов,-- а теперь глупо бросать ее, когда мне везет такое дурацкое счастье.

Но он уже не раз повторял, что скоро бросит игру.

У Некрасова появились приметы в игре: например, он брал из конторы "Современника" тысячи две рублей и вкладывал их в середину своих десятков тысяч рублей для счастья, или полагал, что непременно проиграет, если выдаст деньги в тот день, когда вечером предстояла большая игра.

В "Современнике" сотрудничал один молодой человек Пиотровский, который постоянно брал вперед деньги у Некрасова. К несчастью, случилось однажды так, что утром Пиотровский выпросил у Некрасова денег, а вечером тот проиграл крупную сумму. Не прошло недели, как Пиотровский прислал к Некрасову с письмом какую-то женщину, снова прося денег.

Некрасов дал ответ женщине, что не может исполнить просьбу Пиотровского, а когда она ушла, стал ворчать на то, что Пиотровский опять просит денег.

- Да еще глупейшее письмо пишет, - прибавил он, - угрожая, что если я откажу в трехстах рублях, то ему придется пустить себе пулю в лоб.

- Может быть, и в самом деле он в безвыходном положении, - заметила я. - Пошлите ему денег.

- Не дам!.. Он не более недели тому назад взял у меня двести рублей, тоже говоря, что у него петля на шее. Да и я по его милости проигрался¹³.

Я посмеялась, что Некрасов превратился в старую купчиху, которая верит во всякие приметы.

- Знаю, что все это глупо, но я положил себе за правило не давать денег в тот день, когда предстоит мне большая игра, потому что всегда остаюсь в проигрыше! Да и вчера сосчитал, сколько роздано вперед денег по журналу, оказалось около двадцати пяти тысяч!

- Ну, уж еще триста рублей - капля в море! - заметила я.

Некрасов упрямылся, но потом сдался и обещал завтра же послать Пиотровскому триста рублей.

На другой день Некрасов встал почти к самому обеду. Когда подавали пирожное, вошел Чернышевский. Он был так бледен, что я шепнула Добролюбову - не случилось ли какого несчастья в семье у Чернышевского. Добролюбов спросил его, что с ним¹⁴.

Чернышевский взволнованным голосом ответил:

- Сейчас только от несчастного Пиотровского, он застрелился!

Все были поражены таким ужасным известием, а Некрасов, страшно изменяясь в лице, вскочил с своего места и ушел в кабинет.

Я одна поняла, почему такое удручающее впечатление произвело на него это известие, другие же приписали его волнение нервности.

О самоубийстве Пиотровского сообщил Чернышевскому один из товарищей несчастного, и Чернышевский поспешил к нему на квартиру, но нашел его уже мертвым.

Оказалось, что бедный молодой человек не бог знает как и запутался в долгах; он был должен всего тысячу рублей, но мысль, что ему придется сидеть в долговом отделении, которым ему грозил один из кредиторов, если он немедленно не уплатит ему по векселю триста рублей, побудила его покончить с жизнью.

Надо же, чтобы обстоятельства сложились таким роковым образом, что Некрасову предстояла вечером большая игра, а на другой день он встал поздно и не Успел послать Пиотровскому денег.

Некрасов дал Чернышевскому денег, прося распорядиться похоронами несчастного молодого человека и Уплатой всех его долгов.

Три дня Некрасов не выходил из кабинета и был сильно потрясен; он говорил мне:

- Ну могло ли мне прийти в голову, что из-за трехсот рублей человек может застрелиться? Это ужасно! Я охотно дал бы десять тысяч, чтобы избежать такого мучительного состояния, в котором теперь нахожусь...

<...> Добролюбов обладал наблюдательностью в высшей степени; от него не укрывалось ничто фальшивое в людях, как бы они ни старались замаскировать эту фальшивость. Когда в редакции бывали литературные обеды, всегда многолюдные, то от Добролюбова не ускользала ни одна фраза, ни одно выражение лица присутствующих на обеде.

Добролюбов всегда сидел на этих обедах возле меня и беседовал со мной, почти не принимая участия в общем разговоре. Между сотрудниками "Современника" Тургенев был, бесспорно, самый начитанный, но с появлением Чернышевского и Добролюбова он увидел, что эти люди посерьезнее его знакомы с иностранной литературой.

Тургенев сам сказал Некрасову, когда побеседовал с Добролюбовым:

- Меня удивляет, каким образом Добролюбов, недавно оставив школьную скамью, мог так основательно ознакомиться с хорошими иностранными сочинениями! и какая чертовская память!

- Я тебе говорил, что у него замечательная голова!-- отвечал Некрасов. - Можно подумать, что лучшие профессора руководили его умственным развитием и образованием! Это, брат, русский самородок... утешительный факт, который показывает силу русского ума, несмотря на все неблагоприятные общественные условия жизни. Через десять лет литературной своей деятельности Добролюбов будет иметь такое же значение в русской литературе, как Белинский¹⁵.

Тургенев рассмеялся и воскликнул:

- Я думал, что ты бросил свои смешные пророчества о будущности каждого нового сотрудника в "Современнике"!

- Увидишь, - сказал Некрасов.

- Меня удивляет. - возразил Тургенев, - как ты сам не видишь огромного недостатка в Добролюбове, чтобы можно было его сравнить с Белинским! В последнем был священный огонь понимания художественности, природное чутье ко всему эстетическому, а в Добролюбове всюду сухость и односторонность взгляда! Белинский своими статьями развивал эстетическое чувство, увлекал ко всему возвышенному!.. Я даже намекал на этот недостаток Добролюбову в моих разговорах с ним и уверен, что он примет это к сведению.

- Ты, Тургенев, забываешь, что теперь не то время, какое было при Белинском. Теперь читателю нужны разъяснения общественных вопросов, да и я положительно не согласен с тобой, что в Добролюбове нет понимания поэзии; если он в своих статьях слишком напирает на нравственную сторону общества, то - сам сознайся - это необходимо, потому что она очень слаба, шатка даже в нас, представителях ее, а уж о толпе и говорить нечего. <...>

Теперь расскажу - каким образом произошел разрыв между Тургеневым и "Современником".

Добролюбов написал статью о повести Тургенева "Накануне", и она была послана к цензору Бекетову. Все читавшие эту статью находили, что Добролюбов хвалил автора и отдавал должное его таланту. Да иначе и быть не могло. Добролюбов настолько был честен, что никогда не позволял себе примешивать к своим отзывам о чьих-либо литературных произведениях своих личных симпатий и антипатий.

Некрасов пришел ко мне очень встревоженный и сказал:

- Ну, Добролюбов заварил кашу! Тургенев страшно оскорбился его статьею... и как это я сделал такой промах, что не отговорил Добролюбова от намерения написать статью о новой повести Тургенева для нынешней книжки "Современника"! Тургенев сейчас прислал ко мне Колбасина¹⁶ с просьбой выбросить из статьи все начало. Я еще не успел ее прочитать. По словам Тургенева, переданным мне Колбасиным, Добролюбов будто бы глумился над его литературным авторитетом, и вся статья переполнена какими-то недобросовестными, ехидными намеками.

Некрасов говорил все это недоумевающим тоном. Да и точно, нелепо было допустить, чтобы Добролюбов мог написать недобросовестную статью о таком талантливом писателе, как Тургенев.

Я удивилась, - каким образом могли попасть в руки Тургенева корректурные листы статьи Добролюбова? Оказалось, что цензор Бекетов сам отвез их Тургеневу из желания услужить¹⁷. Я стала порицать поступок цензора, но Некрасов нетерпеливо сказал:

- Дело идет не о цензоре, а о требовании Тургенева выкинуть все начало статьи... нельзя же ссориться с ним!

- А вы находите, что с Добролюбовым можно? - спросила я. - Он, наверно, не захочет признать за Тургеневым цензорские права над своими статьями.

- Добролюбов настолько умен, что поймет всю невыгоду для журнала потерять такого сотрудника, как Тургенев!-- ответил мне Некрасов.

- Да и Тургенев настолько же умен, чтобы, заявляя свои требования, не знать заранее, что Добролюбов им не подчинится.

Некрасов, стараясь объяснить себе поступок Тургенева, сказал:

- Не отзывался ли Добролюбов в каком-нибудь обществе нехорошо о Тургеневе? Может быть, это дошло до него, и вот он с предвзятой мыслью прочел статью, вспылал и сгоряча прислал подвернувшегося под руку Колбасина ко мне.

Предположение Некрасова не имело основания: Добролюбов в обществе никогда не касался личностей литераторов, да и бывал вообще в обществе таких людей, которые не занимались пересудами и сплетнями. Я подивилась - почему Тургенев не сам приехал объясниться с Некрасовым, с которым находился столько лет в самых коротких приятельских отношениях, а прибегнул к посреднику?

- Ну, что толковать о пустяках! - ответил Некрасов. - Важно то, чтобы поскорей успокоить Тургенева. Он потом сам увидит, что погорячился.

Некрасов отправился объясняться к Добролюбову. Через час Добролюбов пришел ко мне, и я услышала в его голосе раздражение.

- Знаете ли, что проделал цензор с моей статьей? - сказал он.

Я ему отвечала, что все знаю. Тогда Добролюбов продолжал:

- Отличился Тургенев! по-генеральски ведет себя... Удивил меня также и Некрасов, вообразив, что я способен на лакейскую угодливость. Ввиду нелепых обвинений на мою статью, я теперь ни одной фразы не выкину из нее.

Добролюбов прибавил, что сейчас едет объясняться к цензору Бекетову. Я заметила, что не стоит тратить время на объяснение.

- Как не стоит!-- возразил Добролюбов. - Если у человека не хватает смысла понять самому, что нельзя позволять себе такое бесцеремонное обращение с статьями, которые он обязан цензуровать, а не развозить для прочтения кому ему вздумается.

Цензор Бекетов преклонялся перед авторитетом Тургенева и воображал, что и тот питает к нему большое уважение за его цензорскую храбрость. Бекетов всегда торжественно объявлял: "Я, господа, опять получил выговор от начальства - это третий в один месяц!", и Бекетов с гордостью обводил глазами всех. Тургенев потешался над Бекетовым, расхваливая его храбрость, и говорил ему, что он единственный просвещенный цензор в России! Простодушный Бекетов умилялся и растроганным голосом благодарил литераторов за то, что они ценят его деятельность, и распространялся о своих либеральных подвигах.

Когда Бекетов уходил, то Тургенев покатывался со смеху и восклицал:

- Вот хвастливый гусь! Я думаю, у самого от каждого выговора под жилками трясется, а он кричит о своей храбрости!

Некрасов, давший знать Тургеневу, что сам будет у него, поехал к нему, но не застал его дома и намеревался перед клубным обедом опять заехать к нему, объясняя себе отсутствие Тургенева какой-нибудь случайностью.

В этот вечер Некрасов вернулся из клуба около двух часов ночи и вошел в нашу столовую; он был мрачен и, подавая мне записку, сказал:

- Мне не удалось опять застать дома Тургенева, я оставил ему письмо¹⁸ и вот какой получил ответ - прочитайте-ка.

Ответ Тургенева состоял из одной фразы: "Выбирай: я или Добролюбов"¹⁹.

Некрасов был сильно озадачен этим ультиматумом и, ходя по комнате, говорил:

- Я внимательно прочел статью Добролюбова и положительно не нашел в ней ничего, чем мог бы оскорбиться Тургенев. Я это написал ему, а он вот какой ответ мне прислал!.. Какая черная кошка пробежала между нами? Остается одно: вовсе не печатать этой статьи. Добролюбов очень дорожит журнальным делом и не захочет, чтобы из-за его статьи у Тургенева произошел разрыв с "Современником". Это повредит журналу, да и прибавит Добролюбову врагов, которых у него и так много; в литературе обрадуются случаю, поднимут гвалт, на него посыплются разные сплетни, так что гораздо благоразумнее избежать всего этого... Я в таком состоянии, что не могу идти к нему объясняться, лучше вы передайте, какой серьезный оборот приняло дело.

Я отправилась к Добролюбову; он удивился моему позднему приходу. Я придала шуточный тон своему поручению и сказала:

- Я явилась к вам как парламентар.

- Догадываюсь - предлагают сдать? - с усмешкой спросил он.

- Рассчитывают на ваше благоразумие, которое устранил важную потерю для журнала; Некрасов получил записку от Тургенева...

- Вероятно, Тургенев грозит, что не будет более сотрудником в "Современнике", если напечатают мою статью, - перебил меня Добролюбов. - Непонятно мне, для чего понадобилось Тургеневу придираться к моей статье! Он мог бы прямо заявить Некрасову, что не желает сотрудничать вместе со мной. Каждый свободен в своих симпатиях и антипатиях к людям!.. Я выведу Некрасова из затруднительного положения; я сам не желаю быть сотрудником в журнале, если мне нужно подлаживаться к авторам, о произведениях которых я пишу.

Добролюбов не дал мне возразить и добавил:

- Нет, уж если вы взяли за роль парламентаря, так выполните ее по всем правилам и передайте мой ответ Некрасову.

Идя от Добролюбова, я встретила в передней Панаева, только что вернувшегося домой, и передала ему ответ Добролюбова.

- О чем хлопочет Некрасов?--сказал Панаев. - Никакого соглашения не может быть с Тургеневым. Я был в театре, и там мне говорили, как о деле решенном, что Тургенев не хочет более иметь дела с "Современником", потому что редакторы дозволяют писать на него ругательные статьи... Анненков накинулся на меня с пеной у рта, упрекая в черной неблагодарности и уверяя, что единственно одному Тургеневу мы обязаны успехом журнала; что мы осрамили себя, дозволив нахальному и ехидному мальчишке писать ругательства о таком великом писателе, как Тургенев! Я не мог уйти от него, потому что в проходе была толпа, а Анненков воспользовался этим и нарочно громко говорил, чтобы все его слышали... Я только тем заставил его замолчать, когда сказал ему, что он, верно, за обедом выпил много шампанского, что так кричит в публике.

Я сообщила Некрасову ответ Добролюбова.

- Ну, вот, недоставало этого! - с досадою воскликнул Некрасов.

В эту минуту вошел Панаев и передал Некрасову выходку Анненкова в театре. Некрасов выслушал его молча и, тяжело вздохнув, произнес:

- Ну, тут ничего не поделаешь! Значит, постарались науськать Тургенева на Добролюбова! - И, обратясь ко мне, он продолжал: - Скажите Добролюбову, чтобы он не сердился на меня, если я его обидел чем-нибудь. Очень я расстроен! Лучше завтра утром поговорим; нам обоим надо успокоиться.

Когда я рассказала Добролюбову о разговоре Анненкова с Панаевым, Добролюбов пожал плечами и заметил:

- Напрасно они думают, что стоит только им произнести свои приговор над человеком, что он дурак и недобросовестный, то им бесконтрольно все поверят!.. Удивляюсь, как мало у этих людей чувства собственного Достоинства!.. <...>

Не знаю, какой разговор происходил на другое утро У Некрасова с Добролюбовым, но, придя от него, Некрасов сказал мне:

Добролюбов - это такая светлая личность что, несмотря на его молодость, проникаешься к нему глубоким Уважением. Этот человек не то, что мы: он так строго сам следит за собой, что мы все перед ним должны краснеть за свои слабости, которыми заражены. Мне больно и обидно, что Тургенев составил себе такое превратное понятие о человеке такой редкой честности. Но, бог даст, все недоразумения выяснятся, и Тургенев устыдится, что по слабости своего характера поддался влиянию завистливых сплетников, которых, к несчастью, слишком много развелось в литературе.

Некрасов был убежден, что, несмотря на разрыв Тургенева с "Современником", это не повлияет на их давнишнюю дружбу. Он имел право так думать, потому что, когда прежде у Тургенева выходили истории с некоторыми литераторами из-за его нелестных отзывов о них на стороне, Тургенев говорил тогда Некрасову:

- Вот между нами подобных историй не может произойти, потому что мы оба не поверим никаким сплетням. Сколько раз пробовали нас поссорить, наущничая, что я будто бы о тебе дурно отзывался, однако ты не поверил же? Мне кажется, если бы ты вдруг сделался ярым крепостником, то и тогда бы наша дружба не могла пострадать. Я бы снисходительно относился к перемене твоих убеждений. Мы, брат, с тобой теперь так крепко связаны, что ничто не может нас разлучить.

Некрасов был привязан к Тургеневу и твердо убежден в его взаимной привязанности к нему. Некрасов понимал, что для журнала Добролюбов необходим. Тургенев в последнее время почти ничего не делал для "Современника". Принявшись за повесть "Накануне", он уверял, что пишет ее для "Современника", а между тем отдал эту повесть в другой журнал, оправдываясь тем, что к нему пристали с ножом к горлу, требуя исполнения честного слова, данного давно редактору, и чуть не силою взяли у него рукопись²⁰. Он утешал Некрасова, уверяя, что у него уже обдумана новая повесть для "Современника" и он скоро ее напишет.

Некрасов говорил: "Я сам виноват, зная, как Тургенев теряется, когда на него накинется нахрапом; мне надо было поступить так же, а я имел глупость этого не сделать... взял бы у него начало повести, и она была бы напечатана в "Современнике".

Разрыв Тургенева с "Современником" произвел такое же смятение в литературном мире, как если бы случилось землетрясение. Приближенные Тургенева, которыми он себя всегда окружал, как глашатаи оповещали всюду о разрыве и цитировали чуть ли не целые страницы ругательств на Тургенева, будто бы заключавшихся в статье Добролюбова. Одним словом, Добролюбов выставлялся Змеем Горынычем, а Тургенев богатырем Добрыней Никитичем, который спас литературу от чудовища, пожиравшего всех как прежних, так и современных авторитетных писателей.

Когда вышла книжка "Современника" со статьей Добролюбова о "Накануне", то в оправдание себя друзья Тургенева стали кричать, что Некрасов струсил и заставил Добролюбова написать другую статью. Цензор Бекетов выказал настолько храбрости, что опровергал этот слух, но его одинокий голос был заглушен криками, что Некрасов подкупил цензора, чтобы он выгораживал его²¹.

<...> Добролюбов по-прежнему, если еще не с удвоенным рвением, заботился о журнале, и, не обращая внимания ни на какую погоду, ездил в типографию и к цензору.

В самых первых числах октября он приехал к нам от цензора в десятом часу вечера, сильно раздраженный тем, что не мог уломать его, чтобы он пропустил вычеркнутые места в чьей-то статье.

Некрасов только что встал после обеденного сна и флегматически заметил:

- Охота вам была в такую скверную погоду ездить к цензору, толковать с ним битый час! Через два месяца пошлем к нему новый набор этой статьи, он и позабудет, что уже читал ее, и наверное пропустит. Надо послать в типографию сказать, чтобы набрали другую статью.

Добролюбов пристально смотрел на Некрасова, и я заметила, что он раздражается его флегматическим тоном.

- Что же? мы будем преподносить читателям запоздалые статьи о вопросах, которыми живо интересуется общество?.. - спросил Добролюбов.

- Ну, что делать! - возразил Некрасов.

- А небось, - иронически отвечал Добролюбов,-- если бы вы, проголодавшись, пришли в ресторан и заказали себе хороший обед, а вам бы подали подогретые кушанья, то не так покойно отнеслись бы к этому. Положим, мое сравнение неудачно, но для вас оно, может быть, в эту минуту будет понятнее.

Некрасов встрепенулся и произнес:

- Было время, что и я так же волновался, как вы!.. Я вовсе не охладел к журналу, а из горького опыта убедился, что надо благоразумнее относиться к подобным вещам. Вот вы волнуетесь, вредите своему здоровью, поскакали к цензору, а из этого никакого толка не вышло.

- Выйдет! - убежденным тоном ответил Добролюбов. - Я сейчас же иначе выражу те места, которые цензор выкинул, и завтра утром опять поеду к нему и не час, а два, три буду сидеть у него и толковать ему, что он словно пуганая ворона - куста боится!

- Еще более расстроите себя, если цензора не уломаете! Плетью обуха не перешибешь! - заметил Некрасов и начал рассказывать, что в 1848 году проделывали цензоры со статьями и какие курьезные объяснения ему приходилось иметь с ними.

- Однако вы тогда были настолько неблагоразумны, что употребляли все усилия добросовестно исполнять свою обязанность перед читателями "Современника", - сказал Добролюбов, - как же теперь хотите издавать "Современник" спустя рукава, оправдываясь благоразумием!

- Ну, делайте, как знаете! - отвечал Некрасов и пошел одеваться, чтобы ехать в клуб, а Добролюбов уселся за работу.

Уходя, я спросила его, прислать ли ему чай, но он отвечал, что придет ко мне пить чай, как только окончит работу; но не прошло и часа, как человек пришел мне сказать, что Добролюбову нездоровится. Я нашла Добролюбова лежащим на диване; у него был сильный пароксизм лихорадки, и он едва мог проговорить: "Согрейте меня!.., только, ради бога, не посылайте за доктором!" Я укутала Добролюбова и напоила его горячим чаем; после озноба у него сделался сильный жар. Когда он перестал гореть, то встал на ноги, но так был слаб, что не мог стоять и снова сел, сказав:

- Как же я доберусь до дому?

- Я вас не пущу домой, если бы вы даже и не чувствовали слабости.

- Я охотно останусь у вас ночевать, мне противна моя мрачная квартира, похожая на склеп... да и я в таком настроении, что не хочется оставаться одному.

Я советовала ему лечь спать, но он просил меня посидеть около него и. прибавил:

- Это напоминает мне детство. Я был хворый мальчик и часто страдал бессонницей; мать, бывало, ночью придет посмотреть на меня и, увидя, что я не сплю, сядет около меня, и мы разговариваем.

Добролюбов с чувством начал рассказывать, какая была его мать умная, развитая и добрая женщина, и потеря ее была так для него ужасна, что в первое время ему приходила мысль лишиться себя жизни, в таком был он отчаянии.

Чтобы отвлечь Добролюбова от тяжелых воспоминаний, я стала ему рассказывать о Белинском, о котором он и прежде много меня расспрашивал.

В час ночи вернулся Некрасов, и Добролюбов его встретил словами:

- Я думаю, вы никак не ожидали опять найти у себя ночлежника?

- Хорошо сделали, что остались, погода отвратительная!-- отвечал Некрасов.

- Поневоле остался: такой был сильный пароксизм лихорадки, что я стоять не могу на ногах. Спасибо, Авдотья Яковлевна согрела меня и даже рассеяла мои мрачные мысли, рассказав мне много интересного о Белинском.

- Жаль, что вы сами не знали этого человека! - сказал Некрасов, сев около дивана, на котором лежал Добролюбов. - Я с каждым годом все сильнее чувствую, как важна для меня потеря его. Я чаще стал видеть его во сне, и он живо рисуется перед моими глазами. Ясно припоминаю, как мы с ним, вдвоем, часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько было для меня нового в высказанных им мыслях... Вы вот вступили в жизнь и в литературу подготовленным, с твердыми принципами и ясными целями. А я!..

Некрасов махнул рукой и продолжал:

- Заняться своим образованием у меня не было времени, надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду. Я попал в такой литературный кружок, в кош-ром скорее можно было отупеть, чем развиться. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я был бы не тем человеком, каким теперь!

Некрасов произнес последнюю фразу дрожащим голосом, быстро встал и ушел в кабинет.

- Тяжелые минуты он переживает в сегодняшнюю ночь,-- тихо заметил мне Добролюбов.

- Есть и хорошая сторона в этих тяжелых минутах для него,-- отвечала я. - После них он всегда принимается писать стихи.

- В таком случае пусть он почаще вспоминает о Белинском, - произнес Добролюбов.

Через четверть часа Некрасов пришел к нам и сказал:

- У меня тоже нет сна, давайте пить чай! Некрасов, ложась спать, распорядился послать рано утром записку к доктору Шипулинскому, чтобы он приехал осмотреть Добролюбова, но при этом сделал бы вид, что посещение случайное.

Шипулинский, выслушав Добролюбова, объявил Некрасову, что дело принимает серьезный оборот, что Добролюбову не встать с постели, так истощен его организм.

Мы решили, что Добролюбову будет удобнее лежать у нас в большой светлой комнате, нежели в его маленькой квартире. Я распорядилась, чтобы ему принесли халат и туфли.

- Значит, вы намерены оставить меня надолго здесь? - спросил Добролюбов.

- Да, пока вы не поправитесь, - отвечала я. - Разве вам неудобно будет у нас?

- Каких еще удобств можно мне желать, - отвечал Добролюбов, но начал беспокоиться, что может стеснить Некрасова, да и братьев ему не хотелось оставлять одних с дядею.

Я успокаивала Добролюбова тем, что его братья могут только ночевать в квартире, а целый день будут находиться у меня.

- Это опять мы все трое очутимся на ваших руках? Для нас-то хорошо, а вам будет много хлопот! - проговорил он. <...>

Вскоре после появления "Отцов и детей" Тургенев приехал из-за границы²² пожинать лавры. Почитатели носили его чуть не на руках, устраивали в честь его обеды, вечера, говорили благодарственные речи и т. п. Я думаю, что ни одному из русских писателей не выпало при жизни столько оваций.

В то время ежегодные концерты, дававшиеся в пользу недостаточных студентов, были всегда полны; даже аристократическая публика посещала их.

Впрочем, нужно заметить, что артисты итальянской оперы постоянно участвовали в этих концертах безвозмездно. Распорядители-студенты сами являлись к некоторым литераторам с билетами на свой концерт, как бы желая этим выразить им уважение от лица всей студенческой корпорации.

Но после напечатания "Отцов и детей" Тургенев не получил билета. Это произвело сенсацию в кругу его друзей литераторов. Со стороны их посыпались обвинения, что все это произошло по интригам Некрасова а семинаристов, сотрудников "Современника", которые вооружают молодежь, распространяя о Тургеневе сплетни²³.

Я бы не упомянула об этой сплетне, если бы только ею ограничились обвинения Некрасова; но вслед за тем распространилась новая клевета, будто Некрасов проиграл чужие деньги. Тургенев в виде предостережения некоторым литераторам в их денежных расчетах с Некрасовым рассказывал, что при встрече с Некрасовым в Париже, узнав, что он едет в Лондон, поручил ему передать 18 000 франков Герцену; но Некрасов, в первый же день по прибытии своем в Лондон, проиграл их в игорном доме и скрыл это, пока Тургенев не обличил его; что Некрасов клялся уплатить в скором времени проигранные 18 000, но, конечно, не уплатил, воспользовавшись оплошностью Тургенева, который не взял с него никакого документа.

Это обвинение Некрасова в растрате чужих денег я могу фактически опровергнуть.

Некрасов в первый раз находился в Париже в 1857 году, о чем я уже говорила раньше. Вторая его поездка за границу состоялась в 1863 году, уже после разрыва с Тургеневым из-за Добролюбова. Следовательно, только в первую поездку Тургенев мог дать Некрасову подобное поручение. Но зачем было Тургеневу делать это, когда он сам вместе с Некрасовым ездил в Лондон из Парижа?

При мне Тургенев стал уговаривать больного Некрасова ехать вместе в Лондон, где ему почему-то необходимо было побывать, если не ошибаюсь, кажется, потому, что Виардо давала там концерт. Я заметила Некрасову, что ему не следует ехать в Лондон, потому что он может простудить на пароходе свое больное горло. Но Тургенев все-таки настоял на своем. Некрасов

поехал с ним в Лондон, и они вернулись вместе назад, поездка их продолжалась не более десяти дней²⁴. На другой день по возвращении из Лондона, Тургенев пришел к Некрасову и сказал:

- Сосчитал ли ты, сколько я должен тебе за расходы, заплаченные тобою в отеле за меня и за билеты в дороге?

- Да после сосчитаемся, - отвечал Некрасов, кутаясь в плед, потому что чувствовал лихорадку после дороги.

- Я боюсь, чтобы ты не присчитал этого долга к моему старому долгу. Ты смотри также, не смешивай моего долга лично тебе с долгом "Современнику".

- Да ну, хорошо! - ворчливо произнес Некрасов. - Точно не успеем сосчитаться, когда будут у тебя деньги.

- Тебе теперь можно не считать, тебе нипочем бросать тысячи.

- Я всегда бросал деньги, - заметил Некрасов; - бывало, не задумываясь, тратил последние десять рублей, лежавшие в кармане, и оставался на другой день без обеда; это, брат, у нас наследственная помещичья безалаберность в обращении с деньгами. Спросить у тебя, сколько ты проживаешь в год - наверно, не знаешь²⁵.

Тургенев рассмеялся и отвечал:

- Скажу лучше - я не знаю даже, сколько прожил денег в мое короткое пребывание в Париже.

И Тургенев начал удивляться, как он ухитряется проживать столько денег и вечно сидеть без копейки.

Возможно: ли, чтобы Тургенев, ведя с Некрасовым такой разговор об их расчетах, не упомянул ни слова о долге в 18000 франков, если бы таковой действительно существовал? Да можно ли допустить, чтобы Тургенев, после того как Некрасов "прикарманил" у него 18000 франков, продолжал бы по-прежнему находиться с ним в дружеских отношениях до тех пор, пока из-за статьи Добролюбова порвал с ним всякое знакомство и даже перестал кланяться, встречаясь на улице.

Однако можно предположить, что Тургенев видел во сне, будто передал Некрасову 18000 франков, и этот сон так живо запечатлелся в его памяти, что он смешивал его с действительными фактами.

Когда Некрасов узнал, что Тургенев взводит на него подобное обвинение, то у него разлилась желчь, он три дня не выходил из дому, никого не принимал, ничего не мог есть и находился в таком возбужденном состоянии, что до изнеможения ходил по кабинету из угла в угол.

Желая успокоить Некрасова, я советовала ему брать пример с покойного Добролюбова или с Чернышевского, которые относились к распространяемым о них клеветам с полнейшим презрением.

- Между ними и нами огромная разница, - отвечал Некрасов. - Под их репутацию в частной жизни самый строгий нравственный судья не подпустит иголки, а под нашу можно бревна подложить. Они в своих нравственных принципах тверды как сталь, а мы, расшатанные люди, не умеем даже в пустяках сдерживать себя! Всем известно, что я имею слабость к картам, вот и может показаться правдоподобным, что я проигрываю чужие деньги.

- Но если ваша совесть не упрекает вас, то нечего и приходить в такое отчаяние,

- Большое утешение! Вообще в подобных случаях легко давать советы, но каково переживать такие минуты человеку... Право, уж прибавили бы за один раз, что видели, как я передергиваю в картах!..

Говоря это, Некрасов задыхался от волнения и после некоторого молчания прибавил:

- Мне в голову не приходило напомнить Тургеневу после пашей размолвки, что он мне лично остался Должен около трех тысяч, а тем более рассказывать об этом всякому встречному, придавая грязную подкладку. Человек просто мог позабыть о долге, а если вспомнит, то сам отдаст. Положительно, только в умопомрачении можно наболтать на другого такую небывалую, позорную вещь. Я уверен, что Тургенев сам потом ужаснулся, До чего дал волю своей мести - и за что? за то, что я взял по справедливости сторону Добролюбова; да ведь Тургенев, с его умом, сам должен бы сознавать, что был неправ перед Добролюбовым. Вот до какого ослепления доводит бесхарактерность самого умного человека! Нажужжали ему в уши сперва про Добролюбова, а потом про меня, что мы ему враги. Дай ему бог побольше таких врагов, как я. Я был уверен, что, проведя вместе нашу молодость, мы вместе проживем и нашу старость. Лучше бы он из-за угла убил меня, чем распространять про меня такую позорную небывальщину!

Некрасов весь дрожал, стиснул зубы, как бы боясь, чтобы у него не вырвалось стоны, и быстро, порывисто зашагал по комнате.

Привязанность Некрасова к Тургеневу можно было сравнить с привязанностью матери к сыну, которого она, как бы жестоко он ни обидел ее, все-таки прощает и старается приискать всевозможные оправдания его дурным поступкам. Я более никогда не слыхала, чтобы Некрасов сделал даже намек относительно враждебных к нему чувств и действий Тургенева; он по-прежнему высоко ценил его талант.

В характере Некрасова было много недостатков, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из современных литераторов мог упрекнуть его в зависти к их успеху на литературном поприще или в том, что он занимался литературными сплетнями. Некрасов никогда не обращал внимания на то, что ему говорили друг про друга литераторы, и, если между ними происходили ссоры, старался примирить враждующих. <...>

Я уже говорила о том, что до редакции "Современника" доходили слухи о собиравшихся над ним тучах. И, действительно, гроза разразилась очень скоро. В начале июня 1862 года "Современник" лишился главного своего сотрудника²³, а вскоре за тем был приостановлен на восемь месяцев.

В 1863 году, после восьмимесячного отдыха, "Современник" снова стал выходить, к огорчению его недоброжелателей. Из числа этих недоброжелателей литераторы торжествовали было уже победу и пропели вечную память "Современнику", рассчитывая, что Некрасов не захочет больше возиться с изданием. Можно судить, как были они изумлены, когда разнесся слух, что "Современник" не только возникает вновь, но в нем будет напечатан роман Чернышевского.

Эти слухи были приписаны выдумке Некрасова с целью чем-нибудь заманить подписчиков.

Между тем редакция "Современника" в нетерпении ждала рукописи Чернышевского. Наконец, она была получена со множеством печатей, доказывавших ее долгое странствование по разным цензурам.

Некрасов сам повез рукопись в типографию Вульфа, находившуюся недалеко - на Литейном, около Невского. Не прошло четверти часа, как Некрасов вернулся и, войдя ко мне в комнату, поразил меня потерянным выражением своего лица.

- Со мной случилось большое несчастье, - сказал он взволнованным голосом, - я обронил рукопись!

Можно было потеряться от такого несчастья, потому что черновой рукописи не имелось. Чернышевский всегда писал начисто, да если бы у него и имелась черновая, то какие продолжительные хлопоты предстояли, чтобы добыть ее!

Некрасов в отчаянии воскликнул:

- И черт понес меня сегодня выехать в дрожках, а не в карете!.. И сколько лет прежде я на ваньках возил массу рукописей в разные типографии и никогда листочка не терял, а тут близехонько не мог довести толстую рукопись!

Некрасов не мог дать себе отчета, в какой момент рукопись упала с его колен:

- Задумался, смотрю: рукописи нет; я велел кучеру повернуть назад, но на мостовой ее уже не было, точно она провалилась сквозь землю... Что теперь мне делать?

Я торопила Некрасова написать объявление в газеты о потере рукописи и назначить хорошее вознаграждение за ее доставку. Некрасов назначил 300 рублей награды²⁷. Он глухо обозначил, что это была за рукопись, так как ему, понятно, не хотелось, чтобы в литературной среде узнали о его потере и воспользовались этим для неблагоприятных толков; и он просил меня не говорить пока никому о случившемся.

Некрасов так был взволнован, что не мог обедать; был то мрачен и молчалив, то вдруг начинал говорить о трагической участи рукописи, представляя себе, как какой-нибудь безграмотный мужичок поднял ее и немедленно продал за гривенник в мелочную лавку, где в ее листы завертывают покупателям свечи, селедки, или какая-нибудь кухарка будет растапливать ею плиту и т. п.

На другое утро объявление было напечатано в "Полицейских ведомостях", и Некрасов страшно волновался, что никто не является с рукописью в редакцию.

- Значит, погибла она! - говорил он в отчаянии и упрекал себя, зачем он не напечатал объявление во всех газетах и не назначил еще больше вознаграждения.

В тот день, по обыкновению, Некрасов обедал в Английском клубе, потому что там после обеда составлялась особенная партия коммерческой игры, в которой он участвовал. Он хотел остаться дома, но за ним заехал один из партнеров и почти силою увез с собой.

Некрасов перед своим уходом пришел на мою половину и просил меня немедленно прислать за ним в клуб, если кто явится с рукописью, и удержать это лицо до его возвращения.

Не прошло четверти часа после его отъезда, как лакей пришел сказать мне, что какой-то господин спрашивает редактора. Я поспешила выйти в переднюю и увидела пожилого, худощавого господина, очень бедно одетого, с отрепанным портфелем под мышкой. Можно было безошибочно определить, что он принадлежит к классу мелкого чиновничества. Я его спросила - не рукопись ли он принес?

- Да-с... по объявлению... желаю видеть-с самого господина редактора, - конфузливо отвечал он.

Я пригласила дорогого посетителя войти в комнату и подождать несколько минут, и послала человека за Некрасовым в клуб, который помещался тогда очень близко, на Фонтанке, около Симеоновского моста, написав два радостные слова:

"Рукопись принесли".

Я начала беседовать с чиновником; он сперва конфузился, но потом разговорился и рассказал мне, что поднял рукопись на мостовой, переходя Литейную улицу у Мариинской больницы, и долго стоял, поджидая - не вернется ли кто искать оброненную рукопись.

Я спросила его, почему он раньше не принес рукопись.

- Газеты не получаю-с, со службы хотел зайти просмотреть газеты, да, уходя домой, случайно услышал от своих товарищей объявление о потере рукописи. Я-с прямо и пришел сюда.

Я успела узнать, что у чиновника большая семья: шесть человек детей и старуха мать, что он лишился казенной службы вследствие сокращения штатов, и теперь занимается по вольному найму в одном ведомстве за тридцать пять рублей месячного жалованья и на эти деньги должен содержать всю семью.

Явился Некрасов и впопыхах, не снимая верхнего платья, вошел в комнату и спросил чиновника:

- Где рукопись?

Чиновник переконфузился и, запинаясь, отвечал:

- Дома-с... я пришел только...

Некрасов перебил его:

- Скорей поезжайте за ней, скорей!

Чиновник торопливо вышел из комнаты.

Я заметила Некрасову, что, может быть, у такого бедняка нет денег на извозчика. Некрасов вернул его и, вынув из бокового кармана пачку крупных ассигнаций, сунул ему в руку 50 рублей, говоря:

- Ради бога, скорей поезжай за рукописью!

- Какое счастье, что она нашлась! - радостно произнес Некрасов.

Но недолго продолжалось его радостное настроение: он начал волноваться от нетерпения:

- Вот дурак-то! дома ее оставил, жди теперь его.

- Чего ты теперь-то волнуешься? - заметила я. - Слава богу, она нашлась.

- Нашлась! Мало ли что может случиться: наедет на него карета... выпадет с дрожек!..

Должно быть, рукопись у чиновника находилась поблизости у кого-нибудь на хранении, потому что он никак не мог так скоро съездить на Петербургскую сторону.

Лицо Некрасова просияло, когда он увидел рукопись в руках вошедшего чиновника. Он отдал ему деньги, взял рукопись и стал пересматривать, в целости ли она.

Надо было видеть лицо чиновника, когда в его дрожащей руке очутилась такая сумма денег, вероятно в первый раз. Он задышался от радостного волнения и блаженно улыбался; но, однако, торопливо возвратил 50 рублей Некрасову, проговорив:

- Это-с, что вы дали прежде.

Некрасов и позабыл об этих 50 рублях.

- Оставьте их у себя, пожалуйста! - отвечал Некрасов. - Есть у вас дети?

- Много-с!

- Так это им от меня на игрушки.

- Господи, господи! думал ли я, поднимая с мостовой рукопись, что через нее мне будет такое счастье!-- проговорил чиновник и стал благодарить Некрасова, который ему отвечал:

- И я вас благодарю за доставление мне рукописи.

Если бедный чиновник был счастлив, то Некрасов, конечно, не менее его. <...>

День был неприятный, да и было еще очень рано, чтобы кто-нибудь из посторонних мог находиться в редакции. Я вошла в комнату, взяла со стола книгу и, когда повернулась, чтобы уйти, заметила господина, сидящего в углу. Это был молодой человек небольшого роста, в черном поношенном сюртуке, наглухо застегнутом. Он исподлобья взглянул на меня и мгновенно опустил глаза. Я подивилась, что человек Некрасова не предупредил посетителя, что ему придется очень долго ждать редактора. Некрасов вставал поздно. Выражение лица молодого человека было такое хмурое, что я не решилась предупредить его об этом и ушла из комнаты; встретив в передней лакея, я спросила его, почему он не предупредил посетителя, что ему придется ждать очень долго. Оказалось, что лакей предупреждал молодого посетителя, но тот ответил, что живет очень далеко и лучше подождет.

Я приказала человеку подать посетителю газеты, а в двенадцать часов послала ему стакан кофе с хлебом.

Я поинтересовалась узнать от Некрасова о терпеливом посетителе.

- Из Перми приехал,-- ответил Некрасов, - принес свое произведение; я обещал ему дня через три посмотреть рукопись и дать ответ²⁸. Пожалуйста, напомните мне завтра об этом. Видно по всему, что молодой человек, должно быть, в очень плохом денежном положении.

- Во всяком случае, если рукопись окажется плохой, то вы лично переговорите с ним. Как у приезжего, у него, может быть, нет никого знакомых в Петербурге.

Часто случалось, что Некрасов возвращал рукописи новичкам-авторам не лично сам.

- Конечно, переговорю с ним. Я проспал и спешу выехать, не успев хорошенько расспросить молодого человека, да и он сам не был расположен говорить,-- сказал Некрасов и добавил: - Вы бы хоть начало рукописи прочитали, стоит ли мне и приниматься за нее.

Я вечером же села читать рукопись под названием "Подлиповцы" и, не отрываясь, прочла ее всю. Я очень обрадовалась за молодого автора, так как не сомневалась, что он должен будет получить самый благоприятный ответ от Некрасова. Действительно, когда последний прочитал "Подлиповцев", то расхвалил их и при этом заметил мне:

- Вот опять поставят в укор "Современнику", что в нем печатаются произведения только одних семинаристов! Должно быть, сколько еще талантливых людей гибнет в этом сословии, если в короткое время из этой среды появилось столько писателей... Я пригласил Решетникова сегодня обедать; если он придет до моего возвращения, то примите его, а то, чего доброго, он убежит да еще обидится. Он смотрит совершенным медвежонком.

Решетников пришел за час до обеда. Я старалась занять его разговорами, но он отвечал мне только одними отрывиста ми "да" и "нет", и выражение его лица было так сердито, что я сочла за лучшее оставить его в покое.

Наружность Решетникова не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Он был небольшого роста, держался сутуловато, цвет лица у него был бледный, а черты неправильные, рот очень большой, движения угловатые.

К обеду пришло еще несколько человек гостей. Решетников, видимо, неловко чувствовал себя в незнакомом ему обществе; он ничего не говорил за обедом, но его живые глаза перебежали от одного гостя на другого. К концу обеда хмурость его, однако, прошла, и он улыбался, слушая рассказ Некрасова, как его мальчиком с братом привезли в Ярославль готовиться к поступлению в гимназию и поселили на квартире с крепостным ментором, который обязан был присматривать за ними, чтобы они аккуратно ходили в класс к учителю, и готовить им обед. Но крепостному ментору после деревни представлялось столько соблазнов в Ярославле, что он, не желая возиться с стряпней, выдавал мальчикам на руки тридцать копеек, оставляя на их произвол продовольствовать себя. Мальчики очень были довольны своим ментором и, в свою очередь, нашли лучшим, вместо ученья, с утра отправляться на загородные прогулки, запасаясь хлебом и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крепостного ментора и его питомцев продолжалась недолго. Раз, вернувшись вечером с прогулки, мальчики пришли в ужас: их встретил отец, до которого дошли слухи о их привольной жизни. У крепостного ментора обе скулы были сильно припухши, и он был отправлен в деревню, а к мальчикам был приставлен другой ментор, тоже крепостной, но более старый и строгий. Они очень скоро подметили, что этот строгий ментор, уложив их спать, позволял себе после дневных трудов выпить. Некрасов с братом вылезали из окна и отправлялись в трактир, где маркером был тоже крепостной их отца, отпущенный по оброку, и практиковались в игре на бильярде, быстро приобретали большие познания в ней, но зато в науках успехи их были очень плохие.

Некрасов был в духе, и его рассказ был очень комичен, особенно в описании двух дворовых, которых отец возвел в степень менторов.

Решетников, по приглашению Некрасова, приходил обедать каждый день, скоро перестал дичиться и часто после обеда подолгу сидел у меня. Он рассказывал о своем печальном детстве и юности, как убежал из бурсы, как, служа при почтовой конторе почтальоном у своего дяди, крал газеты, чтобы удовлетворить жажду к чтению, как открыли его проделку, найдя в пустыре, которым был огорожен двор, кучу газет, куда забрасывал их юный чтец. Рассказывал про свое пребывание в монастыре, куда его отправили в наказание. Страшно было слушать его рассказы - чего только он не переиспытал с раннего своего возраста! Удивительно, каким чудом могли в нем сохраниться его честный взгляд на жизнь, стремление к образованию, отзывчивость к ближнему и готовность помочь каждому, чем только мог. <...>

Решетников рассказывал, что его поразила наружность Некрасова, когда он его увидел в первый раз.

- Я почти все стихотворения Некрасова наизусть знаю, я его себе представлял высоким мужчиной, с мужественной наружностью, с курчавой головой, - и вдруг вижу лысого, тщедушного, сгорбленного человека, с желтым лицом, говорящего сиплым голосом. Я и сам был взволнован, ничего не мог путем сказать, а тут еще хорошенько не мог расслышать вопросов Некрасова. Я поскорей убежал, написал ему письмо, изложив то, что хотел ему сказать.

- Ваше письмо пришло тогда, когда уже Некрасов прочел половину "Подлиповцев",-- сказала я.

- А я в это время места не находил, - продолжал Решетников. - Три дня для меня тянулись без конца. Зато, когда я уходил от Некрасова, так чуть на улице не пустился в пляс, что возвращаюсь от него без своей рукописи да еще с двумястами рублями в кармане, которые

Некрасов дал вперед. Такой суммы отродясь у меня не было в руках, я только на полдороге очнулся и сознал, что могу взять извозчика, что я теперь богач.

Примечания

Воспоминания Авдотьи Яковлевны Панаевой (1819--1893) в мемуарной литературе о Некрасове занимают особое место.

Некрасов с Панаевой сблизился в середине 40-х годов, когда он еще только вступал в литературу. Их совместная жизнь была трудной и беспокойной. Толки и сплетни вокруг этого "незаконного", гражданского брака, характер того и другого, сложная история с Огаревским наследством - все это повлияло на их взаимоотношения. Некрасов писал, обращаясь к А. Я. Панаевой:

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

В. П. Боткин сообщал Д. П. Боткину в апреле 1855 года: "Некрасов с Панаевой окончательно разошлись. Он так потрясен и сильнее прежнего привязан к ней, но в ней чувства, кажется, решительно изменились" (цит. по *ЛН*, т. 53--54, стр. 130). Но окончательно разошлись они позже, в 1863 году, и до разрыва их отношения были очень сложными, что нашло отражение во многих стихах поэта, посвященных Панаевой. В его "мрачном настроении", о котором вспоминает мемуаристка, есть доля ее вины. Летом 1860 года Некрасов с горечью писал Добролюбову: "Сколько у меня было души, страсти, характера и нравственной силы - все этой женщине я отдал, все она взяла, не поняв (в ту пору, по крайней мере), что таких вещей даром не берет, - вот теперь и черт знает к чему все пришло" (т. X., стр. 422).

Поэта с Панаевой помимо большой и трудной любви связывала еще общность интересов и совместная творческая работа. Чернышевский считал, что сближение Некрасова с Панаевой имело на поэта "благодарное влияние" (*Чернышевский*, т. I, стр. 748). Некрасов после разрыва с ней писал:

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,
Мы на один алтарь сложили -
И этот пламень не угас!" *

* Об отношениях Некрасова с Панаевой см.: Корней Чуковский, "Авдотья Панаева и Некрасов" в кн.: Авдотья Панаева, Семейство Тальниковых, "Academia", М. --Л.. 1935; Я. З. Черняк, Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве, "Academia", М. --Л. 1933; "Некрасов и Авдотья Панаева". Публикация К. Марцышевской, С. Рейсера, сообщение С. Дымова, *ЛН*, т. 53--54, стр. 117--130; *Евгеньев-Максимов*, III, стр. 225--230.

Перед глазами Панаевой прошла почти вся история "Современника" с момента приобретения его Некрасовым и Панаевым. Она сама много писала для журнала: повести, рассказы, "физиологические" очерки. Вместе с Некрасовым ею созданы романы "Три страны света", "Мертвое озеро". История "Современника" в ее мемуарах освещена на широком фоне общественной и литературной жизни. В ее воспоминаниях есть немало субъективного: она не скрывает своей неприязни к Боткину, Огареву, крайне предвзято изображает Тургенева. Разногласия между либеральной частью редакции "Современника" и Некрасовым объясняются ею не вполне точно, без ясного понимания их объективного смысла. Но многие эпизоды из истории "Современника", борьбы Некрасова с цензурой, его отношений с Добролюбовым, с писателями-демократами, а также его рассказы о своем прошлом, о его встречах с Белинским переданы ею правдиво и живо. Некрасов является центральной фигурой многих глав мемуарного труда Панаевой, особенно в той части, где речь идет о судьбе "Современника" в

50--60-е годы. Это особенное внимание к Некрасову, литературное мастерство мемуаристики делают ее книгу одним из наиболее значительных произведений в мемуарной литературе о поэте.

Печатается по книге: А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания. Вступительная статья, редакция текста и комментарии Корнея Чуковского, Гослитиздат, М. 1956, стр. 151--155, 157--159, 176--177, 198--200, 258--261, 268--270, 273--280, 289--292, 308--311, 324--327, 350--353.

¹ Стр. 77. Некрасов гостил у Г. М. Толстого в его имении Ново-Спасское, Казанской губ. летом 1846 г. По соседству с имением Толстых было имение Панаевых.

² Стр. 80. Панаева ошибается. В имении Толстых речь шла об издании журнала вообще. Мысль о приобретении "Современника" возникла по возвращении Некрасова в Петербург. Вспоминая разговоры, которые велись в имении Толстых, Некрасов писал: "Я возбуждал вопрос об издании журнала. Дело остановилось за деньгами. Панаев заявил, что у него есть 25 000 рублей свободного капитала. Толстой обещал ссудить также 25 000. Тогда я поспешил в Петербург. Журнал "Сын отечества" умирал, издатель его Масальский был в это время в Ревеле. Я ездил к нему, но дело ни к чему не привело, тогда я пошел к Плетневу - издателю "Современника", начатого Пушкиным в 1836-м году. Плетнев легко согласился, уступил мне и Панаеву, журнал, написал контракт с каждого подписчика давать Плетневу рубль, а если журнал прекратится вследствие явного нарушения цензурных правил, то мы ему платим 30 000 рублей неустойки" (XII, 14).

³ Стр. 80. Некрасов уехал из имения Толстых в Петербург в июле 1846 г.

⁴ Стр. 80. Белинский предполагая издать альманах "Левиафан". Материалы ему предоставили А. И. Герцен, И. И. Панаев, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин; издание не осуществилось. Некрасов в сентябре 1846 г. предлагал Белинскому: "Мы заплатим вам за все статьи, имеющиеся для Вашего альманаха, я за те, кои будут для него доставлены, хорошие деньги, и это будет Ваш барыш с предполагавшегося альманаха. Пишите, что Вы обо всем этом думаете и когда Вы приедете, ибо можете судить, как Ваше присутствие в Петербурге для нас теперь важно. Само собою разумеется, что мы предложим Вам условия самые лучшие, какие только в наших средствах. Работой также Вы слишком обременены не будете, ибо мы будем Вам полагать по мере сил" (X, 53).

⁵ Стр. 82. А. В. Никитенко, историк литературы, профессор Петербургского университета, цензор Петербургского цензурного комитета состоял несколько месяцев официальным редактором "Современника". Положение "фиктивного" редактора его не устраивало. 5 февраля 1847 г. он записал в свой дневник: "Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которых в свою очередь может тяготить мое влияние. Они, вероятно, рассчитывали найти во мне слепое орудие и хотели самостоятельно действовать под прикрытием моего имени. Я не могу на это согласиться" (Никитенко, т. I, стр. 301). В апреле 1848 г. Никитенко отказался от обязанностей редактора "Современника"; редактором журнала стал И. И. Панаев.

⁶ Стр. 83. Вероятно, речь идет о романе Сю "Berger de Kxavan" ("Пастух Кравана", 1848), который был запрещен в России. В 1849--1850 гг. в "Современнике" были напечатаны "признания" ("Confidences") Ламартина. Некрасов писал 30 января 1848 г. А. В. Никитенко: "Не может же наш журнал вовсе не знакомить своих читателей с произведениями иностранных литератур. Итак, уж если переводить, то, конечно, Ламартина, чем кого другого. Имя это и у нас не опальное, и притом "Записки Ламартина", по всей вероятности, наделают шуму во всей Европе..." (X, 107).

⁷ Стр. 83. Имеется в виду цензор А. Л. Крылов.

⁸ Стр. 84. В "Примечании для гг. цензоров "Современника" к роману "Три страны света", подписанном 6 сентября 1848 г. Некрасовым и Панаевой, давалась следующая гарантия: "Все лучшие качества человека: добродетель, мужество, великодушие, покорность своему жребию

представлены в лучшем свете и увенчаются счастливой развязкой. Напротив, *порок решительно торжествовать не будет*" (XII, 41).

⁹ Стр. 84. По воспоминаниям Суворина, Некрасов говорил, что в написании романов "Три страны света", "Мертвое озеро" принимали участие "Григорович, Дружинин и др." (см. стр. 343).

¹⁰ Стр. 84. Это утверждение противоречит более достоверному раннему рассказу А. Я. Панаевой, который был воспроизведен А. М. Скабичевским в биографическом очерке о Некрасове (1879). Скабичевский писал: "По свидетельству Авд. Як. Головачевой (бывшей Панаевой), писание "Трех стран света" происходило так: сначала Н. А. Некрасов с г-жой Панаевой составили общими совещаньями сюжет романа, а потом распределили, какую кому из них писать главу, и у г-жи Головачевой есть том "Трех стран света", в котором обозначено, что было написано ею и что Некрасовым. Из этих отметок видно, что все, касающееся интриги и вообще любовной части романа, принадлежит перу г-жи Панаевой; Некрасов же на свою долю избрал детальную аксессуарную часть, комические сцены, черты современной жизни и описание путешествий Каютина" (А. Скабичевский, Соч., т. II, СПб. 1895, стр. 268--269).

¹¹ Стр. 85. Роман "Три страны света" печатался в "Современнике" в 1848--1849 гг., "Мертвое озеро" - в 1851 г.

Вероятно, со слов Панаевой Скабичевский писал о работе над этим произведением: "Что же касается "Мертвого озера", то Некрасову принадлежит в нем лишь один сюжет, в составлении которого он принимал участие вместе с г-жой Панаевой, и много что две-три главы. А затем Некрасов захворал, слег в постель и решительно отказался продолжать роман" (там же, стр. 269).

¹² Стр. 86. Министром государственных имуществ в 1857--1858 гг. был М. Н. Муравьев, который "прославился" подавлением польских восстаний в 1830--1831 и 1863 гг., за что получил прозвище Вешателя.

¹³ Стр. 88. 23 января 1862 г. И. А. Пиотровский просил Некрасова выдать авансом 300--400 руб. с обязательством расплатиться статьями до мая месяца и тут же сообщал: "Обилие срочной работы, а также неустроенные дела не позволили мне отработать у вас взятые мною деньги во время моего крепостного заключения в Кронштадте..." (Цитирую по статье Б. Ф. Егорова: "И. А. Пиотровский - ученик Чернышевского и Добролюбова", "Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы", Горький, 1965, стр. 222). Некрасов вновь выдал Пиотровскому 200 руб. серебром "до июня 1862 года" (там же, стр. 222--223). В феврале 1862 г. Некрасов обратился в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым с просьбой об оказании помощи Пиотровскому. В просьбе было отказано (см. "Некрасовский сборник", Пг. 1918, стр. 62). На новую просьбу Пиотровского (о которой, видимо, пишет А. Я. Панаева) Некрасов ответил мотивированным отказом (см. письмо Некрасова Пиотровскому от 16--17 марта 1862 г., X, 467--468, датировка этого письма установлена в вышеназванной статье Б. Ф. Егорова, стр. 224).

¹⁴ Стр. 89. Добролюбов не мог присутствовать при этой сцене. Он умер в ноябре 1861 г.

¹⁵ Стр. 90. Постоянным сотрудником "Современника" Добролюбов стал с середины 1857 г. 25 декабря 1857 г. Некрасов писал Тургеневу: "Читай в "Современнике" "Критику", "Библиографию", "Современное обозрение", ты там найдешь местами страницы умные и даже блестящие: они принадлежат Добролюбову, человек очень даровитый" (X, 375).

¹⁶ Стр. 91. Один из братьев Колбасиных, Елисей Яковлевич или Дмитрий Яковлевич. Оба были поверенными в различных делах Тургенева.

¹⁷ Стр. 92. Возможно, что со статьей Добролюбова "Когда же придет настоящий день?" познакомил Тургенева Некрасов. По-видимому, о ней идет речь в недатированном письме Некрасова Чернышевскому: "Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу" (X, 413). Бекетов был против публикации статьи Добролюбова. В записке Добролюбову от 19 февраля 1860 г. он писал: "Напечатать так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит, обратить

внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да и не поздоровилось бы и другим..." ("Заветы", 1913, No 2, стр. 96).

¹⁸ Стр. 93. Письмо Некрасова неизвестно.

¹⁹ Стр. 93. Письмо с таким текстом неизвестно. Познакомившись со статьей Добролюбова, Тургенев писал Некрасову: "*Убедительно тебя прошу, милый Некрасов, не печатать этой статьи*: от, кроме неприятностей, ничего мне надделать не может, она несправедлива и резка - я не буду знать, куда деться, если она напечатается" (*Тургенев, Письма, т. IV, стр. 41*).

²⁰ Стр. 96. Сказанное здесь Панаевой не соответствует действительности. Роман "Накануне" был обещан Тургеневым Каткову и напечатан в его журнале "Русский вестник" (1860, NoNo 1, 2).

²¹ Стр. 97. Новая редакция статьи Добролюбова была представлена цензору Ф. Рахманинову. "Я ее переделал, - писал Добролюбов С. Т. Славутинскому,-- и представил опять в цензуру; благодаря тому, что у нас цензор теперь другой, она пропущена. Впрочем, вторая половина получила совсем другой характер <...>, Что делать..." (*Добролюбов, т. IX, стр. 409*). В этой редакции статья была напечатана в "Современнике" (1860, No 3) под названием "Новая повесть г. Тургенева", См. прим. 6 к стр. 146.

²² Стр. 100. Роман "Отцы и дети" был опубликован в "Русском вестнике" (1862, No 2). Тургенев приехал в Петербург 26 мая 1862г.

²³ Стр. 101. Данных, подтверждающих этот факт, нет.

²⁴ Стр. 102. Тургенев приехал в Лондон 12(24) мая 1857 года; Некрасов - 3(15) июня. В Париж они возвратились вместе.

Поводом для разговоров о растрате Некрасовым денег Тургенева могла послужить следующая история. Некрасов ездил в Лондон для встречи с Герценом, который отказался его принять. Он считал, что Некрасов виновен в присвоении денег из огаревского наследства. Кроме того, Некрасов был должен Герцену деньги, занятые для приобретения "Современника". Во время его пребывания в Лондоне Герцен напомнил через Тургенева об этом долге. Некрасов ответил: "Я не сделал с Вами своевременно расчета частию по затруднению сношений с Вами, а главное - по беспечности, в которой признаю себя виновным перед Вами. В 1850 году Тургенев привез мне из-за границы записку Вашу о передаче остальных; денег ему. С Тургеневым я имел постоянные счета, по которым постоянно мои деньги приходились за ним, поэтому долг ему не беспокоил меня, и я до настоящей минуты оставлял это дело нерешенным, думая, что ответственности" обязан уже не Вам" (X, 342). Эта часть письма так была передана Герценом Тургеневу: "Ты мне их отдашь из твоего долга Некрасову" (*Герцен, т. XXIV, стр. 106*). Письмо Герцена восстановило Тургенева против Некрасова. См. письмо Тургенева к Герцену от 10(22) июля 1857 г. (*Тургенев, Письма, т. III, стр. 131*), объяснение Некрасова (X, 347--349). Но вскоре это недоразумение было устранено. Тургенев писал Некрасову 12(24) августа: "... Я никогда не думал подозревать тебя - а приписал все это недоразумение (которое, признаюсь, меня несколько взволновало) - твоей небрежности..." (*Тургенев, Письма, т. III, стр. 144*).

²⁵ Стр. 102. С. Н. Кривенко приводит другое суждение Некрасова, высказанное им "незадолго перед смертью": "Право, я никогда не любил денег, а скорее боялся их. Потому и берег. Это Тургенев меня ослабил каким-то сребролюбцем. Он постоянно швырял деньги. Ему можно было швырять, а мне нет. Получит из деревни, разбросает в несколько дней все и придет ко мне за деньгами, а не дашь - сердится" (С. Н. К., Из литературных воспоминаний. - *ИВ, 1890, II, стр. 262*).

²⁶ Стр. 104. Речь идет о Чернышевском, который был арестован 7 июля 1862 г.

²⁷ Стр. 105. Некрасов дал следующее объявление в "Ведомостях С. -Петербургской городской полиции": "Потеря рукописи. 8 воскресенье, 3 февраля, во втором часу дня, проездом по Большой Конюшенной от гостиницы Демута до угольного дома Каера, а оттуда через Невский проспект, Караванную и Семеновский мост до дома Краевского, на углу Литейной и Бассейном оброне сверток, в котором находились две прошнурованные рукописи с заглавием: "ЧТО ДЕЛАТЬ?" Кто доставит этот сверток в означенный дом Краевского, к Некрасову, тот получит пятьдесят руб. сер." (1863, NoNo 29--31).

²⁸ Стр. 108. Речь идет о писателе Федоре Михайловиче Решетникове, который с августа 1863 г. жил в Петербурге.